

Китай в точке бифуркации: поиск новой стратегической модели

Агеев Александр Иванович —

генеральный директор Института экономических стратегий РАН, заведующий кафедрой управления бизнес-проектами НИЯУ «МИФИ», доктор экономических наук, профессор, академик РАН.

Логинов Евгений Леонидович —

заместитель генерального директора Института экономических стратегий РАН, заместитель директора Института проблем рынка РАН, заведующий кафедрой мировой экономики и международного бизнеса Финансового университета при Правительстве РФ, доктор экономических наук.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 16-06-00444 «Связь товарно-сырьевых и валютно-финансовых рынков. Биметаллизм и его динамика: от ретроспективного анализа к моделированию кризисов»).

УДК 338.2(510)

В последнее время с каждым годом мировая экономика все больше зависела от темпов развития экономики Китая, с которым многие страны традиционно связывали надежды на успешность выхода из кризиса. 2015 г. ярко и недвусмысленно продемонстрировал тенденцию нарастания китайской критической нестабильности. Здесь много причин, и одной из важнейших явилось изменение политики США — прекращение программ «количественного смягчения», от чего зависит конъюнктура спроса на китайские товары и объем их экспорта. Окончательно проявился кредитный характер «успехов» экономического роста Китая, практически исчерпана возможность получения эффекта от реализации модели финансового стимулирования национальной экономики КНР путем расширения объема займов и инвестиций. Основной вывод: существует прямая зависимость между последствиями инвестиционного и промышленного перенасыщения в Китае вследствие экстремальных темпов экономического роста и усилением структурных финансово-экономических диспропорций, закладывающих контуры неизбежно вытекающего из них нового витка китайского и мирового экономического кризисов.

Ключевые слова

Мировая экономика, Китай, управление, инвестиции, кредиты, диспропорции, фондовый рынок, экспорт, импорт, кризис.

Из благоприятного прошлого в неопределенное будущее

Китай считается одним из ключевых сегментов мировой экономики. В последние 10–15 лет он превратился в одного из основных мировых поставщиков бытовых товаров, а в последние годы — и многих позиций производственного оборудования, которое, уступая по качеству, пока имеет ценовые преимущества по сравнению с аналогичной продукцией западных и восточных конкурентов. Нарастание производственного и финансового (в том числе золотовалютного) потенциала закономерно привело к тому, что китайцы планируют сделать юань одной из мировых валют.

Эти тенденции, на которые наложился пакет западных политических и экономических санкций в отношении к России, актуализировали для нашей страны «восточный» вектор развития — он, как неоднократно подтверждали руководители России и Китая, обоюдовыгоден для наших стран по многим причинам [1].

Китай для России в последние годы представлялся крайне перспективным (почти с неограниченным ростом) рынком сбыта российского сырья и энергоносителей. Предполагалось, что в этом плане можно рассчитывать и на масштабные китайские инвестиции, которые теоретически могли бы превысить совокупные инвестиции развитых стран Запада (в случае если из за-

падных инвестиций вычтуть офшорные инвестиционные потоки). Правда, эти, казалось бы, крайне близкие к осуществлению перспективы до сих пор не реализовались.

Происшедший летом 2015 г. в Китае финансовый кризис с обвальным падением цен на фондовом рынке четко проявил значительно более масштабный, чем это полагалось боль-

шинством западных и российских экспертов (не говоря уже о декларациях китайских властей), характер экономических (долговых, инвестиционных, производственных, сбытовых и т.п.) диспропорций, в период пикового развития ситуации на фондовом рынке Китая приблизившихся к границам критического контура управления. За ним резко снизилась бы управляемость китайской экономи-

Основные источники притока прямых иностранных инвестиций в Китай в 1979–2013 гг.

Страна	Оценочный объем накопленных ПИИ в 1979–2013 гг.		Освоенный объем ПИИ в 2013 г.	
	млрд долл.	% от общей суммы	млрд долл.	% от общей суммы
Всего	1453,3	100,0	117,6	100,0
В том числе:				
Гонконг	682,8	47,0	78,3	66,6
Британские Виргинские острова	111,8	7,7	н/д	н/д
Япония	94,4	6,5	7,1	6,0
США	74,6	5,1	3,4	2,9
Тайвань	70,1	4,8	5,2	4,4
Сингапур	67,2	4,6	7,3	6,2
Южная Корея	56,1	3,9	3,1	2,6

Источник: [2]

ки и стал бы возможен переход к экономическому коллапсу, аналогичному тому, что случился в СССР в 1991–1992 гг.

Обрушение китайской экономики крайне негативно сказалось бы как на мировой экономике, так и на экономике России.

Однако объем накопленного Китаем потенциала (как общеэкономическая база) и меры, реализованные китайскими властями, частично либерально-рыночного, частично жестко авторитарного характера (как инструмент управления) позволили стабилизировать ситуацию и отодвинуть горизонт вероятных катастрофических событий в экономике на некий период — возможно, это произойдет во времена не столь отдаленные, но по крайней мере не сегодня-завтра.

Основным результатом этого фондового кризиса в КНР, который пока практически не отслеживают в российских органах госуправления, является то, что китайский спрос на поставки в Китай российских сырья и энергоносителей приобрел динамично отложенный характер. Исходя из этого, многие контракты по

российским поставкам в Китай сокращены или замедлены. Такова жесткая реальность экономической ситуации в Китае, опирающаяся на оправданный прагматизм китайского руководства.

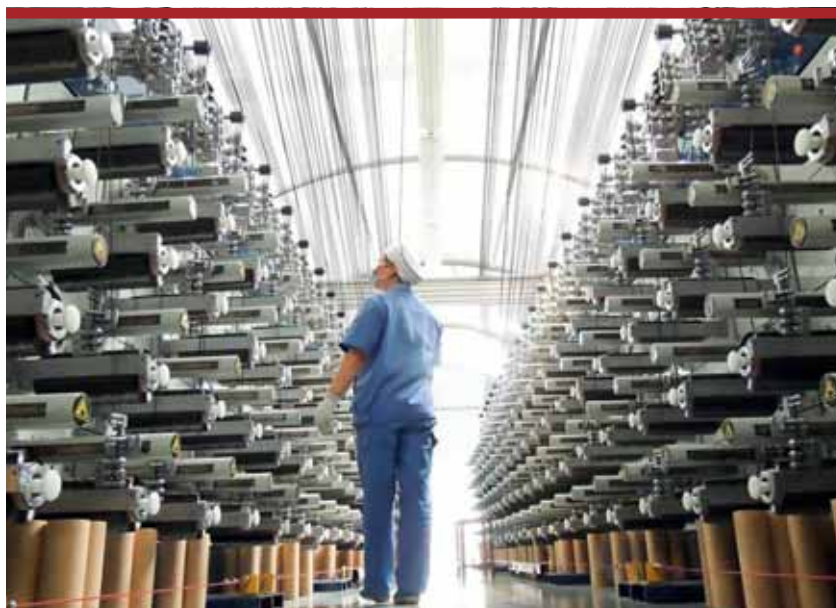
Китай крайне нуждается в новых рынках сбыта для своей невосребованной мировыми рынками продукции, производимой излишними мощностями, которые построены за счет гипертрофированных госинвестиций, чтобы дать работу избыточному населению.

Завершение стратегии продвижения Западом Китая в ключевые фигуры мировой шахматной доски

Начиная со второй половины 1970-х годов и до недавнего времени Китай являлся и частично является сейчас объектом инвестиционной накачки и сбрасывания инфлированной массы долларов и евро в рамках реализации американского проекта по созданию дополнительного по отношению к США центра «силы» (альтернативного СССР и конкурирующего с ним в политической, экономической и военной сферах) (см. *таблицу*).

Как видно из *таблицы*, в 1979–2013 гг. прямые инвестиции в Китай осуществлялись исключительно странами — сателлитами США (и Великобританией).

В последний период интересы американского истеблишмента частично разошлись: часть финансово-политических кланов сохранила свои операционные центры в США с опорой на американский доллар, другая часть, аффилированная с британским финансовым сектором, вывела свои капиталы из США в Китай и частично в ЕС, конвертировав

деньги из доллара в юань, а операционные центры переведя из США в Сингапур и Гонконг.

Завершился чрезвычайно важный период в развитии Китая: он сформировался как потенциально почти равноценный игрок на Великой шахматной доске [3]. И именно поэтому такая его роль крайне выгодна одним игрокам и одновременно крайне невыгодна другим глобальным игрокам, определяющим развитие мировой экономики. При этом вектору дальнейшего поступательного развития промышленного и финансового потенциала Китая противостоит почти равноценный (но набирающий силу) противоположный вектор неблагоприятной внешне-экономической конъюнктуры, накопления внутрикитайских диспропорций и постепенного исчерпания возможностей стимулирования национального социально-экономического развития за счет внутренних источников в условиях катастрофического сокращения источников внешних.

Таким образом, Китай за годы реализации американского проекта по созданию на базе КНР экономического, политическо-

Смена стратегии США по отношению к Китаю — переход от поддержки союзника к подавлению конкурента — кардинально меняет расклад сил на мировой экономической арене.

го и военного конкурента СССР, который совместно запустили Г. Киссинджер (при непосредственном участии З. Бжезинского) и Дэн Сяопин в 1978–1979 гг., нарастил значительный промышленный и финансовый потенциал. Этот потенциал, созданный при прямой финансовой и технической поддержке США, к концу первого десятилетия XXI в. выдвинул Китай в качестве наиболее перспективного кандидата для участия в существующем (западном) механизме валютно-финансового манипулирования мировой экономикой. Иначе говоря, Китай достиг точки бифуркации, которая теоретически позволяет ему перейти от модели «мирового промышленного ядра» как индустриального придатка развитых стран к модели «мирового финансового ядра», использующего возможность самостоятельного инфлирования мировой валюты, аналогичной долла-

ру США, и сбрасывания инфляции за рубеж, в зону стран, использующих юань для международных расчетов и инвестиций. За счет этого могла бы реализоваться тысячелетняя китайская мечта: избавиться от эксплуатации западным миром с помощью как торгово-экономических, так и военных рычагов влияния (опиумные войны и т.п.).

Однако в последнее десятилетие названный американский проект был окончательно завершен: Китай из экономического союзника, крайне выгодного США, превратился в опасного соперника, используемого вытесненными из США финансово-политическими кланами как временный операционный центр для игры на многочисленных экономических, политических и иных полях, в том числе прежде всего против доллара США. Смена стратегии США по отношению к Китаю — переход от поддержки союзника к подавлению конкурента — кардинально меняет расклад сил на мировой экономической арене. Стратегические диспропорции, накопившиеся в экономике Китая за годы безудержного экстенсивного роста, по ряду параметров вплотную приблизились к критическим характеристикам, хотя ситуация и удерживается властями Китая за счет массивных финансовых вливаний в экономику. Продвижение Китая на пути к мировому лидерству достигло точки бифуркации. Дальнейшее развитие ситуации начинает напоминать судьбу СССР. Чтобы избежать этого, Китаю необходимо безотлагательно сменить стратегическую модель развития экономики.

Предлагаемые китайским руководством меры носят несистемный, «кусочный» характер, только частично сглаживая намечающиеся катастрофические экономические флуктуации.

Коренное изменение геоэкономической ситуации для Китая вследствие смены стратегии США

В 2014 г. произошло кардинальное изменение стратегии США. Закончился этап глобально-го «разбрасывания денег с вертолета»¹, то есть наращивания инфлированной долларовой массы (со сравнительно низким курсом, то есть «слабым» долларом) и ее кредитно-инвестиционное закачивание в американскую экономику с целью стимулирования восстановления цен на фондовом рынке и на недвижимость, а также роста спроса на товары и услуги как инструмента стимулирования экономического развития США. Начался этап перехода к «сильному» доллару с частичным переходом от «сбрасывания» денег за рубеж к привлечению денег в экономику США из-за рубежа [4].

Похожая на более раннюю американскую стратегию, хотя и несколько отстающая по времени, стратегия наращивания инфлированной денежной массы (меры количественного смягчения) реализуется в Европейском союзе. Смена финансовой стратегии США уже имеет одним из своих последствий (как макроэкономическое условие манипулятивных действий определенных глобальных игроков) обрушение цен на нефть — 2014 [5].

С учетом опыта аналогичных этапов (циклов), ранее реализованных американским руководством, и с учетом сложившихся характеристик экономики США можно прогнозировать длительность этого этапа американской

экономической политики — не менее 7–10 лет.

При этом США являются одним из главных покупателей товарной продукции, производимой китайскими предприятиями (в 2014 г. объем торговли Китая и США составил 555,12 млрд долл., объем торговли Китая и ЕС — 615,14 млрд долл.).

Поэтому ограничение массивной «закачки» доллара Соединенными Штатами в условиях продолжающегося кризиса привело к снижению спроса на китайские товары в США, а также ряде других стран — торгово-финансовых партнеров США [4]. Это достаточно долговременная тенденция. Иначе говоря, период максимально благоприятных условий, стимулирующих экономическое развитие, привязанное к росту экспорта, для Китая закончилось.

Однако разогнавшаяся китайская экономика (построенные производственные мощности, требующие загрузки; реализуемые средне- и долгосрочные инфраструктурные, в том числе строительные, проекты; население, имеющее в городах рабочие места и привыкшее к повышению жизненного уровня и т.п.) не может остановиться. (Например, в 2011–2013 гг. в Китае было произведено цемента больше, чем в США за весь XX в.) Быстрая остановка приведет к неминуемому краху экономики Китая. Замедление развития китайской экономики должно быть постепенным и осторожным.

Ситуация усугубляется переходом Китая от демографическо-

го избытка трудовых ресурсов к сокращению трудовых резервов. Перелом этот, по прогнозам демографов, окончательно обозначится в 2020 г., но уже сейчас наблюдается снижение прироста численности трудовых мигрантов, перебирающихся из сельских районов в города.

КНР необходимо замещение вышедших факторов, ранее стимулировавших экономический рост, в особенности снижающегося внешнего спроса на продукцию китайских предприятий [6]. Иными словами, нужна смена стратегической модели развития китайской экономики. Однако китайский национальный менеджмент пока не смог предложить такую модель. Предлагаемые и реализуемые китайским руководством меры носят несистемный, «кусочный» характер, только частично и на небольшой срок сглаживая и откладывая намечающиеся катастрофические экономические флуктуации.

Если такая модель предложена не будет, то экономические проблемы с большой долей вероятности перейдут в социальное напряжение, которое будет иметь катастрофические или крайне тяжелые последствия для существующего в Китае политического режима.

Достижение предельного уровня долговой нагрузки на китайскую экономику

Основой модели экономического роста Китая в последнее десятилетие является всемерное наращивание инвестиций. Это ведет к расширению долгов всех секторов национального хозяйства [7].

Осуществляя наращивание государственных и корпоративных инвестиций и создавая налоговые поступления в бюд-

жеты местной власти, данный подход до поры оказывает положительное влияние на рост ВВП.

Китай проявляет те же симптомы, что продемонстрировали США, Япония и часть Европы до начала текущего финансово-экономического кризиса. Быстрое наращивание кредитного плеча, повышение цен на недвижимость и снижение потенциала роста за счет реального сектора экономики с учетом невозможности повысить внутреннее потребление и проблем с потреблением внешним — падение экспорта.

Китай имеет те же проблемы, что и его торговые партнеры на Западе: рост показателей экономического развития конструируется искусственно за счет роста цен на недвижимость, роста стоимости акций и излишних производственных мощностей. Хотя меры правительства КНР, направленные на инфраструктурные программы, помогли сохранить рост китайской экономики в 7,5%, однако темпы роста ВВП устойчиво падают, а доля

искусственно раздутых финансовых и фондовых показателей в ВВП продолжает расти.

Дальнейшее наращивание долговой нагрузки в Китае имеет свои пределы. Фактически стимулирующая роль роста кредитов и госинвестиций снизилась до минимальных значений. При этом инновационных ядер национальной экономики (как в США, Великобритании и Германии), позволяющих за счет экспорта уникальной высокотехнологичной продукции за рубеж сконцентрировать ключевые мировые объемы добавленной стоимости для уравнивания долговых и ценовых «пузырей», в Китае не создано. Механизма (как в США), позволяющего «сбрасывать» инфляцию и долговые и ценовые «пузыри» из национальной экономики Китая за рубеж, также пока не создано. (Хотя ряд проектов, нацеленных на формирование расширенной зоны юаня, руководство Китая активно пытается реализовать.) Заявленный ранее курс китайского руководства на гармонизацию экономики пока не дал требуемого результата: экономические, прежде всего финансовые диспропорции еще более увеличи-

лись и приобрели критический характер.

При наличии жесткого контура госуправления в экономике КНР тем не менее сформировались масштабные «черные дыры» типа теневого банкинга. Эти мало контролируемые государством финансовые анклавы в национальной экономике тесно аффилированы со структурами, интегрированными с наиболее спекулятивными финансовыми структурами мировой экономики, сконцентрировавшимися в последние годы в Гонконге и Сингапуре. Иначе говоря, как и в экономике большинства развивающихся стран, переходящих к аналогичной западной модели рыночной экономики, в Китае резко усиливаются тенденции, снижающие возможности госрегулирования наиболее важных экономических и социальных процессов.

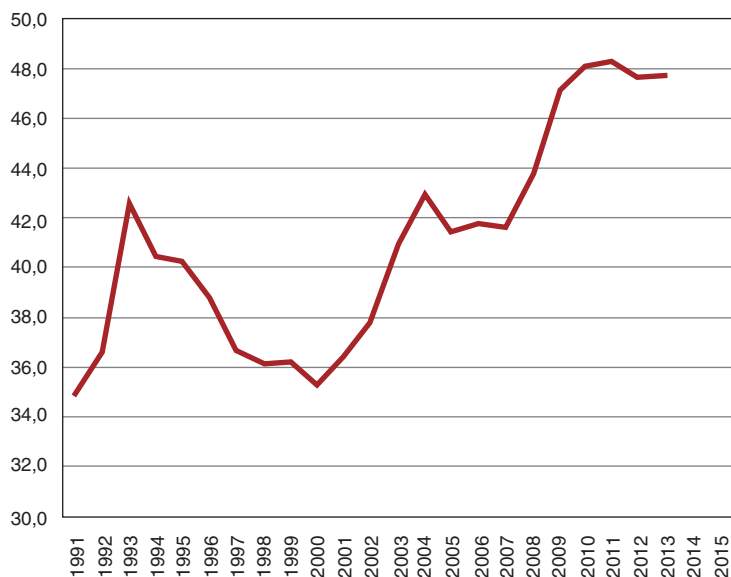
Таким образом, финансовый кризис в китайской экономике носит системный характер. В него вовлечены все составляющие финансовой сферы, а они в свою очередь тесно взаимосвязаны с производственной и торговой сферами и все вместе связаны со сферой социальной. При этом одной из главных причин такого кризиса в Китае, так же как и в России, является некритическое заимствование квазирыночных моделей у США и Западной Европы, подражание реализуемым там антикризисным стратегиям. Утрата национальной экономической и политической идентичности привела в свое время к распаду СССР и достаточно близко подвела к этому рубежу Китай.

Критически привязанный, так же как и СССР в последний период своего существования, к экспорту и валютным поступлениям от экспорта, Китай стал, по сути, заложником манипулирования со стороны своих важ-

Рисунок 1

Динамика изменения доли инвестиций в ВВП Китая, %

Источник: [8]

Примечание: информация приведена на 1 января указанного года.

нейших торговых и финансовых партнеров (они же геоэкономические и геополитические конкуренты) — США и ЕС. Неблагоприятное стечение объективных внешнеэкономических обстоятельств, наложившись на макроманипуляции с валютой, кредитами и ценами на экспорт-импорт товарной продукции, делает Китай (так же как СССР в конце 1980-х годов) крайне уязвимым. Продолжающаяся либерализация (в западном тренде) китайского общества и внутренней политики усиливает эту ситуацию.

Утрата равновесия в системе стимулирования экономической активности Китая

Ключевым трендом роста ВВП Китая была инвестиционная накачка со стороны государства (рис. 1).

Наряду с инвестиционной накачкой по образу и подобию США в Китае активно реализо-

вывались меры смягчения кредитно-денежной политики.

Смягчение кредитно-денежной политики в КНР на фоне замедления экономического роста создало колоссальный объем финансовых средств, ищущих применения, что привело к активнейшему росту фондовых

инвестиций в рискованные активы, в том числе с использованием кредитного плеча розничными инвесторами.

Проблемой при этом является то, что дальнейшая инвестиционная и кредитная накачка национальной экономики приведет к надуванию нового, более масштабного фондового «пузыря» в Китае.

Выходом является «сбрасывание» излишней ликвидности за рубеж (по образу и подобию финансовой политики США) при условии, что это будет стимулировать зарубежный спрос на китайские товары.

Пока еще долговая нагрузка не ведет к неминуемому краху китайской экономики, хотя она и может создать крайне серьезную угрозу устойчивости экономики Китая. Основной проблемой здесь является низкая интероперабельность китайской финансовой системы: от централизованной экономики советского типа КНР уже ушла, а к хоть сколько-нибудь рыночно сбалансированной экономике аналогично развитым странам (которые являются управленческим «легалом» для реформ в Китае) пока не пришла.

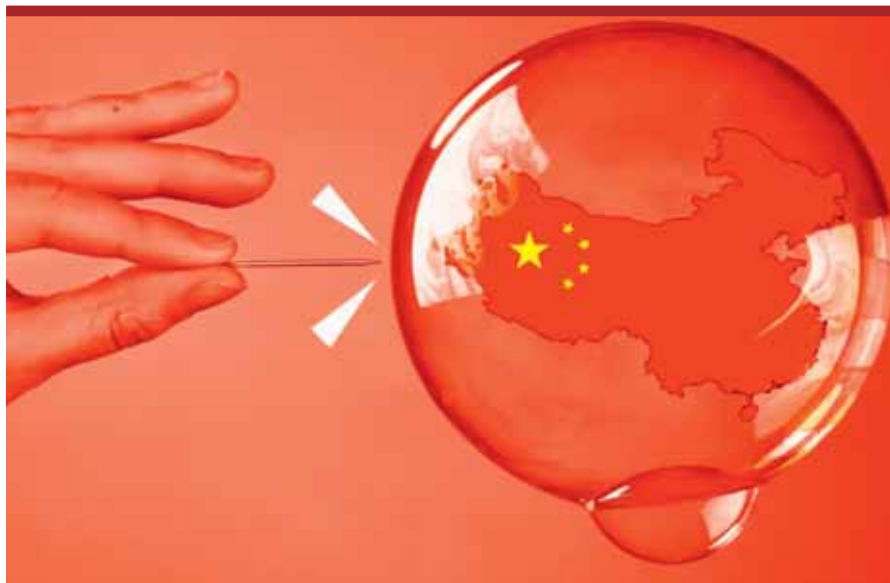
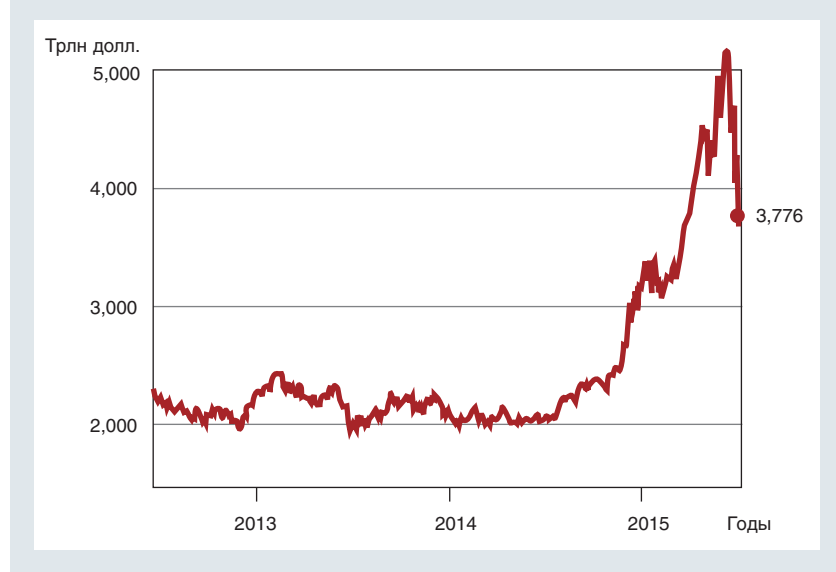

Рисунок 2

Динамика фондового рынка Китая

Источник: [11]

При этом времени на выработку полноценной рыночной модели в рамках национально-цивилизационного формата, свойственного китайскому населению и истеблишменту, практически не осталось.

Чрезвычайно важным моментом является то, что ряд глобальных игроков перешли от конструирования нужного им формата китайской экономики (что создает дополнительные риски и угрозы) к использованию этого формата для непосредственного извлечения прибыли, в том числе путем масштабных финансовых спекуляций, проявлением чего и выступает в Китае фондовый кризис — 2015.

По аналогии с логической бизнес-цепочкой можно задать следующие вопросы. Коровку вырастили, коровку начали доить, в перспективе встанет вопрос — когда коровку будут резать на мясо? Сможет ли в будущем коровка «отбодаться» от мясника с помощью острых рогов и копыт? А если сможет «отбодаться», кто ее потом будет кормить? Сумеет ли она сама обе-

спечить себя кормом для того, чтобы иметь возможность отбиваться от мясников и других коровок, если поле, где кормятся все коровки, оскудело?

Наращение неравновесности на фондовом рынке Китая

С июля 2014 г. до начала активной фазы фондового кризиса летом 2015 г. капитализация ведущих компаний из нефинансового сектора Китая выросла почти на 120%, а объем фондового оборота на рынке — более чем в 7 раз.

Количество новых участников торгов выросло в 10 раз.

Новым явлением стало увеличение в 5 раз объема покупок акций за счет средств, полученных в долг.

Если оценивать по квартальной динамике (со II квартала 2014 г. по I квартал 2015 г.), то рост капитализации китайских компаний составил почти 100%. При этом в течение рассматриваемого периода ухудшились ос-

новные финансовые показатели компаний КНР: прибыль упала на 15%, выручка сократилась на 2,3%, рентабельность капитала и оборачиваемость активов обвалились на новые минимумы.

Иначе говоря, стабилизация китайской экономики была искусственной и обеспечивалась за счет финансовой накачки, приведшей к росту фондового рынка. Кризис в реальном секторе экономики Китая только нарастал.

Чтобы избежать обвала и продолжить хотя бы умеренный рост экономики на этой основе, необходимо обеспечить дальнейший приток капитала на фондовый рынок, в том числе за счет роста долговой нагрузки. Именно этим объяснялись действия китайских властей, способствовавших притоку на рынок средств населения.

Образовался разрыв между реальным ростом компаний (увеличение объемов активов за счет выручки) и не совпадающим по темпам с ростом капитализации компаний (востребованности их акций на фондовых биржах) — следствие сильнейшей переоценки инвесторами реальной стоимости ценных бумаг [9].

Таким образом, развитие «пузыря» на фондовом рынке Китая приобрело характер самоорганизованной критичности [10], когда по мере развития нелинейной системы она неизбежно приближается к точке бифуркации, ее устойчивость падает и в ней создаются условия, при которых малый толчок может спровоцировать лавину в непредсказуемом месте, с непредсказуемыми последствиями, изменяющими всю систему, как бы велика она ни была.

К концу первой недели июля 2015 г. индекс Шанхайской

фондовой биржи *Shanghai Composite* снизился более чем на 33% по сравнению с пиковыми показателями в 5178,19 пункта от 12 июня 2015 г. Шэньчжэньский индекс *Shenzhen Component* упал почти на 40%.

Капитализация китайских рынков с пиковых значений 12 июня 2015 г. уменьшилась на 3,5 трлн долл. (рис. 2).

Впоследствии финансовые регуляторы КНР прибегли к набору жестких мер, которые способствовали временной стабилизации ситуации на фондовом рынке страны. По итогам фондового кризиса Комитет по контролю над ценными бумагами КНР организовал проведение расследования на предмет манипулирования рынком со стороны участников торгов, заинтересованных в падении стоимости акций [12].

Во избежание обвального увеличения объема продаж 8 июля 2015 г. регулятор ввел шестимесячный мораторий на продажу бумаг публичных компаний мажоритариями. Китайский регулятор потребовал, чтобы инвесторы, владеющие пакетами акций торгуемых компаний более чем в 5%, сохраняли свои позиции в течение шести месяцев. Запрет на продажу бумаг касался не только акционеров публичных компаний, но и их топ-менеджеров, контролирующих большие доли. В результате значительная часть инвесторов оказалась заблокирована, более 1,3 тыс. компаний приостановили торговлю на биржах, и это способствовало заморозке акций на 2,6 трлн долл., или 40% рыночной капитализации [13].

Было также временно запрещено компаниям осуществлять первичные размещения акций на фондовом рынке (IPO), приостановлено проведение запланированных ранее IPO 28 компаний.

Народный банк Китая выдал целевые кредиты для стабилизации рынка, за их счет было куплено акций на 120 млрд юаней.

Был создан специальный стабилизационный фонд, капитал которого должен составить 19 млрд долл.; капитализацию фонда должны были провести 20 брокерских домов Китая.

Комиссией по регулированию рынка ценных бумаг были срочно внесены изменения в правила работы брокеров. Особо важным является требование о прекращении продаж бумаг в случае, если индекс *Shanghai Composite* опустится ниже 4,5 тыс. пунктов. Дополнительно к этому Ассоциация управления фондовыми активами опубликовала открытое письмо, в котором рекомендовала инвестиционным фондам «не устраивать повальную распродажу китайских акций».

Таким образом, благодаря имеющимся в распоряжении государства масштабным финансовым средствам и еще сохраняющимся административным и уголовным инструментам упорядочения действий операторов и наиболее крупных участников фондового рынка властям КНР удалось приостановить кризис, пока он еще не привел к коллапсу всей финансовой системы Китая.

Перспективная переориентация мировых финансовых спекулянтов на Индию

Обрушение фондового рынка Китая — 2015 пока не создало непосредственной угрозы мировым фондовым и финансовым рынкам. Несмотря на то что обороты торгов были сверхвысокие, а капитализация многих компаний сопоставима с американскими ТНК, все же последствия для мировой экономики не стали

столь драматичными, как кризисы американского фондового рынка. Причина — в пока еще низкой интеграции китайского фондового рынка в глобальную финансовую систему.

Однако это только пока. Развитие институциональной структуры фондового рынка Китая в сравнительно недалекой перспективе должно привести к полному организационному включению китайских финансовых структур в общее финансовое поле глобальных финансовых спекуляций.

Для банковской системы Китая последствия фондового кризиса были также ограничены, так как непосредственно банки в финансовых спекуляциях не участвовали (им запрещено), крупные промышленные компании (например, строительные) пока, как предполагается, тоже. В структуре производственных и торговых компаний Китая фи-

нансовые спекуляции пока не составляют основную строку доходов в отличие от их аналогов в США.

Пострадали в основном китайские частные лица и брокеры.

При этом общие последствия для китайской экономики являются тяжелыми и долговременными. Фактически «сгорела» или была вывезена за рубеж существенная часть реальных финансовых средств китайского государства, «впрыснутых» в экономику для

В 2008 г. HSBC избежал проблем, которые были характерны для большинства крупнейших европейских и американских банков, поскольку не совершал операций с сомнительными бумагами и рискованными кредитами в США и Европе, а вкладывался в Китай.

Ряд экспертов обвиняли именно этот банк в том, что он сыграл роль одного из основных операторов и бенефициаров американского финансового кризиса, начавшегося в 2008 г.

Поставлена под сомнение сама возможность формирования полноценной альтернативы доллару на основе юаня.

ее стимулирования, — госинвестиции или разного рода займы.

Утратил эффективность, как это полагалось в соответствии с базовой теоретической парадигмой рыночной экономики западного формата, важнейший инструмент стимулирования экономического роста. Встал вопрос: сможет ли вообще китайское государство стимулировать дальше поступательное развитие экономики страны для решения ее важнейших социально-экономических проблем с учетом усложнения внешних условий развития в мировой экономике?

Рассматриваемый китайский фондовый кризис — 2015 стал точкой бифуркации для глобальных финансовых структур в плане изменения вектора финансовых спекуляций.

Изменение статуса Китая, перешедшего из категории «стимулируемых финансовых макрообъектов» в категорию «макрообъектов-„дойных коров“», особенно показательно характеризует смена стратегии банка HSBC².

Изменение стратегии HSBC — расширение финансовых операций в Индии и отказ от концентрации финансовых операций в Китае (с Гонконгом) — можно трактовать как проявление сомнений относительно перспектив экономического роста КНР. Часть экспертов говорят о возможной «жесткой посадке» экономики Китая, и этому они находят определенные доказательства (разрыв платежеспособного спроса и объемов производства).

В своей программе «Обзор глобальных торговых связей» (*Global Connections Trade Forecast Report*) HSBC ориентируется на Индию, Китай упомянут мельком. Признавая, что скорость роста индийской экономики упала и составляет менее 5%, обеспечиваемых внутренним спросом, HSBC надеется, что страна расширит экспорт и это позволит ускорить экономический рост. Несмотря на то что сейчас экспорт Индии — это в основном трудоемкие в производстве товары с низкой добавленной стоимостью, аналитики HSBC ожидают, что в будущем в Индии появится

много капиталоемких и высокотехнологичных секторов (таких как фармацевтика и транспортное оборудование).

HSBC предполагает, что индийский экспорт будет расти самыми высокими в мире темпами и это поспособствует быстрому росту экономики, страна имеет перспективы как производитель автомобилей. В Китае снижается конкурентоспособность, что обеспечит бум в экспорте Индией автомобилей и сопутствующих товаров, значительные

да к «сильному доллару» проводится успешно, финансовые средства международных инвесторов удалось «отпугнуть» от Китая и ЕС и перенаправить в США, конкурентный потенциал Китая существенно подорван, поставлена под сомнение сама возможность формирования полноценной альтернативы доллару на основе юаня.

Вторым бенефициаром китайского фондового кризиса — 2015 является группа финансовых корпораций, вытесненных

По китайской схеме будет выстраиваться механизм использования индийской финансовой системы и фондового рынка Индии для манипулирования фондовыми и товарными рынками в мировой экономике.

Экономический пояс Шелкового пути — модель противодействия нарастанию нестабильности экономики Китая

В рамках существующих теоретических положений и практического опыта разных стран Китай может следующим образом выйти из системного финансового кризиса, переходящего в системный финансово-экономический кризис [16].

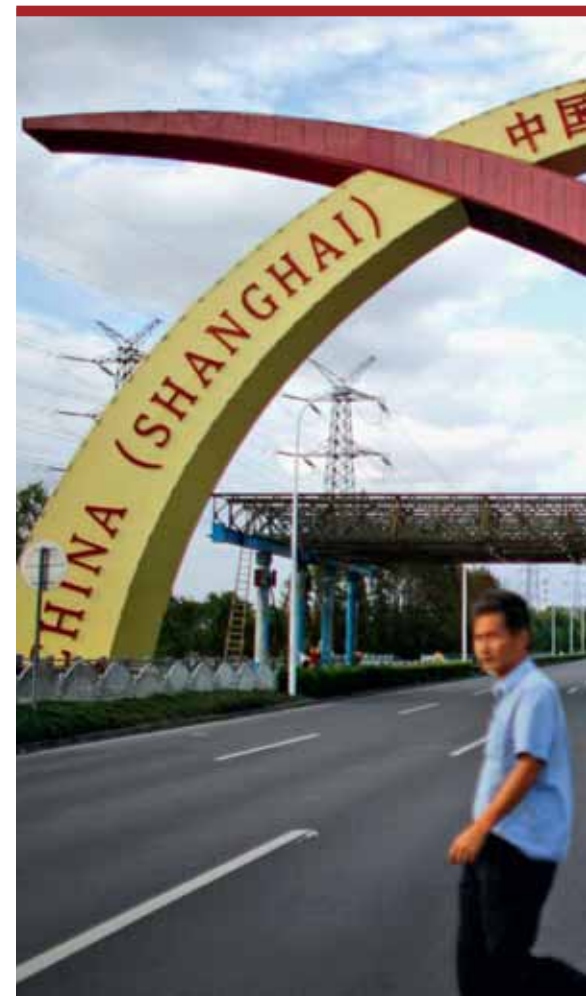
В идеале юаневая зона должна была бы расшириться и на Европу, единственная проблема для такого расширения — наличие долларовой зоны торговли.

перспективы роста экспорта индийского текстиля. К 2030 г. ожидается, что индийский рынок товаров для среднего класса превзойдет такой же рынок в Китае и США.

Стоит отметить, что в последнее время в западной прессе появился тренд на пиар экономики Индии на фоне опасений относительно Китая, поэтому отчет HSBC может быть использован как инструмент влияния на мнение инвесторов по всему миру [14].

Таким образом, главным бенефициаром китайского фондового кризиса — 2015 являются власти США, тесно интегрированные с финансовыми структурами ФРС США. Все их цели (в рамках группы синхронно реализованных по секторам мирового экономического пространства финансовых и политических проектов: обрушение цен на нефть, китайский фондовый кризис, греческий кризис, военные конфликты на Ближнем Востоке и пр.) достаточно успешно достигнуты. Политика перехо-

из США в Сингапур и Гонконг, то есть американских финансово-политических кланов, дружественных британскому капиталу. Они крупно заработали на китайском фондовом кризисе — 2015, а также детально отработали механизм использования китайской финансовой системы и фондового рынка Китая для манипулирования фондовыми рынками в мировой экономике. Их следующей задачей является отработка такого же механизма в отношении цен на мировых товарных рынках. С учетом участия этой группы финансовых корпораций в недавнем обрушении мировых цен на нефть — 2014 путем прежде всего манипулирования объемами производных финансовых инструментов (фьючерсов на нефть и пр.) на финансовых рынках [15] наиболее интересно выглядит выстраивание под их контролем в привязке к китайской экономике институциональной структуры оперирования мировыми ценами на товарные ресурсы (энергоносители, сырье, сырьёмкая индустриальная продукция, продовольствие).

Необходимо либо расширять рынки, либо перераспределять риски во всей экономической системе, снижая рентабельность всех звеньев экономики, но обеспечивая рентабельность по наиболее критичным направлениям [17].

На данный момент Китай все еще тратит на единицу продукции в 4 раза больше энергии, чем развитые страны; это значит, что говорить о постиндустриальной экономике в ближайшей перспективе не приходится. Китай по-прежнему продает дешевый труд и покупает продукцию западных технологий, например импорт иностранных микрочипов является второй масштабной зависимостью Китая после нефтяного импорта.

При этом Китай с участием ряда англо-американских финансовых кланов, вытесненных из США и перенесших штаб-квартиры в Сингапур и Гонконг, развивает на базе контролируемых ими секторов китайской экономики альтернативный проект — новый Шелковый путь [18].

В условиях катастрофического нарастания финансовой нестабильности [19] естественной стратегией Китая для решения этих проблем по образцу и подобию США стала политика расширения внешних рынков, в частности создания юаневой зоны торговли из стран АТР, Средней Азии, Африки, Южной Америки, арабских стран, а также России. Юаневая зона должна обеспечить китай-

ским производителям необходимый — в условиях существенного падения спроса — более широкий территориальный простор для расширения сбыта китайских товаров. В идеале юаневая зона должна была бы расширяться и на Европу, единственная проблема для такого расширения — наличие долларовой зоны торговли. Противостояние между Китаем и США существует как в американской трансатлантической зоне торговли, так и в транстихоокеанской зоне [20]. И проблема товарной и валютной конкуренции в этих экономических зонах все более обостряется.

Именно с расширением китайского экспорта связаны китайские проекты создания экономического пояса Шелкового пути (экспорт в Среднюю Азию) и морского Шелкового пути (экспорт в Южную Азию и арабские страны), а также зоны свободной торговли АТЭС, которая будет реализовываться через финансовые институты типа банка АИВ³. Вопрос расширения внешних рынков для китайской экономики ключевой; это необходимо для преодоления современного этапа обострения кризисных явлений: падения спроса, все увеличивающихся новых производственных мощностей, значительная часть которых заведомо избыточна, огромного объема невозвратных долгов и пр.

Реализуя стратегию «Великий шелковый путь», Китай надеется получить под экономический контроль огромную территорию от Юго-Восточной Азии до Закавказья. В перспективе на этом пространстве предполагается развитие в китайском формате международной экономической интеграции, финансового взаимодействия, логистических и инфраструктурных систем [21]. Однако далеко не все страны в этой зоне согласны стать китайскими эко-

номико-политическими сателлитами.

Где встречный российский проект?

Основной вывод из тенденций развития Китая и взаимосвязанной с ним мировой экономики: существует прямая зависимость между последствиями инвестиционного и промышленного перенасыщения в Китае вследствие экстремальных темпов экономического роста и усилением структурных диспропорций, закладывающих контуры неизбежно вытекающего из них нового витка китайского и мирового экономического кризисов.

В этих условиях России и ее партнерам по ЕАЭС необходимо учесть изменение методов геостратегической конкуренции на мировых рынках и выдвинуть встречный проект расширения рынков сбыта продукции и транспортно-энергетических услуг путем продвижения в доступные рыночные пространства в ключевых зонах мира. ■

ПЭС 16021 / 15.02.2016

Примечания

1. Б. Бернанке (председатель совета управляющих Федеральной резервной системы США с февраля 2006 до февраля 2014 г.): «Если понадобится, мы будем разбрасывать деньги с вертолета!»

2. HSBC Holdings plc, банк «Эйч-эс-би-си» — один из крупнейших финансовых конгломератов в мире (как предполагается экспертами, является одним из главных операторов финансовой группы Ротшильдов).

3. АИВ — Азиатский банк инфраструктурных инвестиций.

Источники

1. Агеев А.И., Логинов Е.Л. Новая стратегическая роль России как гаранта — оператора системы поддержания мировых и региональных экономических балан-

сов // Экономические стратегии. 2015. № 1 (127). С. 18–35.

2. Обзор зарубежных финансово-экономических публикаций / ГБУ Мосфинагентство. 2014. № 6. С. 14.

3. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 2010. 256 с.

4. Агеев А.И., Логинов Е.Л., Райков А.Н. Изменение стратегии оперирования долларом: запуск США нового кредитно-инвестиционного цикла во взаимосвязи с валютными войнами // Экономические стратегии. 2015. № 3. С. 2–17.

5. Агеев А.И., Логинов Е.Л., Райков А.Н. Стратегическое конструирование мировых товарных рынков: уроки обрушения цен на нефть для России // Экономические стратегии. 2015. № 2. С. 18–27.

6. Перская В.В., Эскиндаров М.А. Конкурентоспособность национального хозяйства в условиях многополярности: Россия, Индия, Китай. М.: Экономика, 2015. 219 с.

7. Агеев А.И., Делягин М.Г., Симонов К.В., Давиденко И.В. Финансовое плечо мира // Экономические стратегии. 2011. № 10 (96). С. 6–15.

8. Карта действий для ребалансировки экономики Китая [Электронный ресурс] // Финансовая группа «Доходь». 2014 (июль). URL: http://www.dohod.ru/files/research/pdf/research_53bbcbab5c406.pdf.

9. Хорошилов К., Васильев Н. «Бабуру кэйки» バブル景気: грозит ли «японский» пузырь китайской экономике? [Электронный ресурс] // Южный Китай. 2016 (12 марта). URL: <http://south-insight.com/node/1567>.

10. Теория самоорганизованной критичности [Электронный ресурс] // Творческая лаборатория Б. Злотина и А. Зусман. URL: http://www.ideationtriz.com/ZZLab/Nonlinear_phenomenon/Self-organizing_criticality.htm.

11. Как уменьшить ВВП России в 2 раза за 2 года [Электронный ресурс] // Livejournal. 2015 (8 июля). URL: <http://verola.livejournal.com/134572.html>.

12. Корпоративный долг Китая превысил 16 трлн долларов [Электронный ресурс] // Newsru.com. 2015 (19 июля). URL: http://newsru.com/finance/19jul2015/china_corporate.html.

13. Шароян С. «Китайское безумие»: как миллионы частных инвесторов раздули новый пузырь // РБК. 2015 (9 июля). URL: <http://top.rbc.ru/finances/09/07/2015/559dca919a79475cc74f15c7>.

14. Хорошилов К. HSBC ставит на Индию [Электронный ресурс] // Южный Китай. 2016 (12 марта). URL: <http://south-insight.com/node/1492?language=ru>.

15. Цветков В.А. Циклы и кризисы: теоретико-методологический аспект. М.: Нестор-История, 2013. 504 с.

16. Цветков В.А., Логинов Е.Л. Цели и организационная модель манипулятивного обрушения цен на нефть — 2014: Аналитический доклад. М.: ЦЭМИ РАН/ИПР РАН, 2015. 102 с.

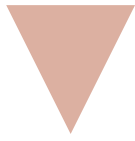
17. Хазин М. Два типа кризиса капитализма [Электронный ресурс] // WorldCrisis. 2015 (1 января). URL: <http://worldcrisis.ru/crisis/1763699>.

18. Логинов Е.Л., Логинова В.Е. Финансово-экономический кризис в Китае: необходимость смены стратегической модели развития китайской экономики // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2015. № 39 (273). С. 2–9.

19. Цветков В.А., Логинов Е.Л. Системная финансовая нестабильность в экономике Китая: в каком направлении движется китайский «локомотив» развития мировой экономики? М.: ИПР РАН, 2015. 118 с.

20. Владимиров Н. Десять угроз Китаю в 2015 [Электронный ресурс] // Южный Китай. 2016 (12 марта). URL: <http://south-insight.com/node/1128>.

21. Цветков В.А., Зоидов К.Х., Медков А.А. Формирование новой эволюционной модели транспортно-коммуникационного взаимодействия России и Китая. М.: ЦЭМИ РАН, 2013. 231 с.

China's Bifurcation Point: Search for a New Strategic Model

Ageev Alexander Ivanovich

*Institute for Economic Strategies
of the Russian Academy of Sciences*

Loginov Evgeny Leonidovich

*Institute for Economic Strategies
of the Russian Academy of Sciences*

In the last period every year the global economy was increasingly dependent on the pace of China's economy development, on which many countries have traditionally pinned their hopes for successful exit from the crisis. 2015 has clearly and unequivocally demonstrated the tendency of Chinese critical instability increase. There are many reasons, and one of the most important was the change in the US policy — termination of "quantitative easing" programs, which determines conditions of demand for Chinese goods and the volume of their exports. Once and for all the credit character of "successful" China's economic growth became apparent, the possibility of obtaining the effect from realizing the model of financial incentives to China's national economy through increasing the volume of loans and investments is almost exhausted. The main conclusion: there is a direct correlation between the consequences of investment and industrial glut in China due to extreme economic growth and strengthening of structural economic and financial disproportions laying the contours of inevitably arising from them a new round of Chinese and the global economic crises.

Keywords: the world economy, China, management, investments, loans, imbalances, the stock market, export, import, crisis.

References

1. Ageev A.I., Loginov E.L. Novaya strategicheskaya rol' Rossii kak garanta — operatora sistemy podderzhaniya mirovykh i regional'nykh ekonomicheskikh balansov [The New Strategic Role of Russia as a Guarantor — Operator of the System for Global and Regional Economic Balances Maintenance]. *Ekonomicheskie strategii*, 2015, no. 1 (127), pp. 18–35.
2. Obzor zarubezhnykh finansovo-ekonomicheskikh publikatsiy [Review of Foreign Economic and Financial Publications]. *GBU Mosfinagentstvo*, 2014, no. 6, p. 14.
3. Bzhezinskiy Z. *Velikaya shakhmatnaya doska* [The Grand Chessboard]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 2010, 256 p.
4. Ageev A.I., Loginov E.L., Raykov A.N. Izmenenie strategii operirovaniya dollarom: zapusk SShA novogo kreditno-investitsionnogo tsikla vo vzaimosvyazi s valyutnymi voynami [Changing the Strategy of Dollar Handling: US Launch of New Credit-Investment Cycle in Association with the Currency Wars]. *Ekonomicheskie strategii*, 2015, no. 3, pp. 2–17.
5. Ageev A.I., Loginov E.L., Raykov A.N. Strategicheskoe konstruirovaniye mirovykh tovarnykh rynkov: uroki obrusheniya tsen na neft' dlya Rossii [Strategic Designing of World Commodity Markets: Lessons of Oil Prices Collapse for Russia]. *Ekonomicheskie strategii*, 2015, no. 2, pp. 18–27.
6. Perskaya V.V., Eskindarov M.A. *Konkurentosposobnost' natsional'nogo khozyaystva v usloviyakh mnogopolyarnosti: Rossiya, Indiya, Kitay* [The National Economy Competitiveness in Conditions of Multipolarity: Russia, India, China]. Moscow, Ekonomika, 2015, 219 p.
7. Ageev A.I., Delyagin M.G., Simonov K.V., Davidenko I.V. Finansovoe plecho mira [Financial Arm of the World]. *Ekonomicheskie strategii*, 2011, no. 10 (96), pp. 6–15.
8. Karta deystviy dlya rebalansirovki ekonomiki Kitaya [Action Map for the Chinese Economy Rebalancing]. *Finansovaya gruppa Dokhod*, 2014, available at: http://www.dohod.ru/files/research/pdf/research_53bbcbab5c406.pdf.
9. Khoroshilov K., Vasil'ev N. «Baburu keyki» «バブル景気»: grozit li «yaponskiy» puzyr' kitayskoy ekonomike? [“Baburu Keiki” «バブル景気»: Whether the “Japanese Bubble” Threatens the Chinese Economy?]. *Yuzhnyy Kitay*, 2016, available at: <http://south-insight.com/node/1567>.
10. *Teoriya samoorganizovannoy kritichnosti* [The Theory of Self-Organized Criticality]. Tvorcheskaya laboratoriya B. Zlotina i A. Zusman, available at: http://www.ideationtriz.com/ZZLab/Nonlinear_phenomenon/Self-organizing_criticality.htm.
11. *Kak umen'shit' VVP Rossii v 2 raza za 2 goda* [How to reduce Russia's GDP by 2 times in 2 years]. Livejournal, 2015, available at: <http://verola.livejournal.com/134572.html>.
12. *Korporativnyy dolg Kitaya prevysil 16 trln dollarov* [Corporate China's Debt Has Exceeded \$ 16 Trillion]. Newsru.com, 2015, available at: http://newsru.com/finance/19jul2015/china_corporate.html.
13. Sharoyan S. «Kitayskoe bezumie»: kak milliony chastnykh investorov razduli novyy puzyr'» [“Chinese Madness”: “How Millions of Private Investors Inflated a New Bubble”]. RBK, 2015, available at: <http://top.rbc.ru/finances/09/07/2015/559dca919a79475cc74f15c7>.
14. Khoroshilov K. HSBC stavit na Indiyu [HSBC stakes on India]. *Yuzhnyy Kitay*, 2016, available at: <http://south-insight.com/node/1492?language=ru>.
15. Tsvetkov V.A. *Tsikly i krizisy: teoretiko-metodologicheskyy aspekt* [Cycles and Crises: Theoretical and Methodological Aspect]. Moscow, Nestor-Istoriya, 2013, 504 p.
16. Tsvetkov V.A., Loginov E.L. *Tseli i organizatsionnaya model' manipulyativnogo obrusheniya tsen na neft' — 2014: Analiticheskyy doklad* [Objectives and Organizational Model of Manipulative Oil Prices Collapse — 2014: Analytical Report]. Moscow, TSEMI RAN, IPR RAN, 2015, 102 p.
17. Khazin M. *Dva tipa krizisa kapitalizma* [Two Types of Capitalism Crisis]. WorldCrisis, 2015, available at: URL: <http://worldcrisis.ru/crisis/1763699>.
18. Loginov E.L., Loginova V.E. Finansovo-ekonomicheskyy krizis v Kitae: neobkhodimost' smeny strategicheskoy modeli razvitiya kitayskoy ekonomiki [Financial and Economic Crisis in China: the Need for Changing Strategic Model of the Chinese Economy Development]. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya*, 2015, no. 39 (273), pp. 2–9.
19. Tsvetkov V.A., Loginov E.L. *Sistemnaya finansovaya nestabil'nost' v ekonomike Kitaya: v kakom napravlenii dvizhetsya kitayskiy «lokomotiv» razvitiya mirovoy ekonomiki?* [The System Financial Instability in the Chinese Economy: in What Direction is the Chinese “Locomotive” of the World Economy Moving?]. Moscow, IPR RAN, 2015, 118 p.
20. Vladimirov N. Desyat' ugroz Kitayu v 2015 [Ten Threats to China in 2015]. *Yuzhnyy Kitay*, 2016, available at: <http://south-insight.com/node/1128>.
21. Tsvetkov V.A., Zoidov K.Kh., Medkov A.A. *Formirovaniye novoy evolyutsionnoy modeli transportno-kommunikatsionnogo vzaimodeystviya Rossii i Kitaya* [Formation of a New Evolutionary Model of Transport-Communication Cooperation Between Russia and China]. Moscow, TSEMI RAN, 2013, 231 p.